

Часто думал я об этом ужасном
семейственном романе...

А. С. Пушкин

1

— О чем ты все время думаешь?

— Я?

— Ты!

— А ты о чем?

— Я — о тебе!

— И я — о тебе... — Башмаков по сложившемуся обычаю поцеловал коричневый, похожий на изюмину девичий сосок и вздохнул про себя: «Бедный ребенок, она еще верит в то, что лежащие в одной постели мужчина и женщина могут объяснить друг другу, о чем они на самом деле думают!»

— А почему ты вздыхаешь? — спросила Вета, согласно тому же обычаю подставляя ему для поцелуя вторую изюмину.

— Поживешь с мое...

— Я обиделась! — сообщила она, специально нахмурив темные, почти сросшиеся на переносице брови.

— Из-за чего? — превозмогая равнодушие, огорчился он.

— Из-за того! До меня ты не жил... Не жил! Ты готовился к встрече со мной. Понимаешь? Ты должен это понимать!

Свою правоту она тут же начала страстно доказывать, а он терпеливо отвечал на ее старательную пылкость, чувствуя себя при этом опрокинутым на спину поседлым сфинксом, на котором буйно торжествует ненасытная юность.

— Да, да... Сейчас... Сейчас! — болезненно зажмурившись, в беспамятстве шептала Вета и безошибочным движением смуглой руки поправляла длинные спутанные волосы, мятущиеся в такт ее добычливым чреслам.

Эта безошибочность во время буйного любовного обморока немного раздражала Башмакова, но зато ему нравилось, когда Вета внезапно распахивала антрацитовые глаза — и слепой взгляд ее устремлялся в пустоту, туда, откуда вот-вот должна была ударить молния мимолетного счастья...

Девушка открыла глаза. Но совсем не так, как ему нравилось: взгляд был испуган и растерян. Горячее, трепещущее, уже готовое принять в себя молнию тело вдруг сжалось и остыло. Мгновенно. Башмаков даже почувствовал внезапный холод, сокровенно перетекающий в его тело, будто в сообщающийся сосуд.

«Наверное, так же чувствуют себя сиамские близнецы, когда ссорятся, — предположил он. — Сейчас спросит про Катю...»

Вета склонилась над ним и прижалась горячим влажным лбом к его лбу. Ее глаза слились в одно черное искрящееся око.

— А ты не обманываешь?

— Ты мне не веришь?!

— Тебе верю, но есть еще и она...

— Ты же знаешь, мы спим в разных комнатах.

— Правда?

— Врать не обучены! — оскорбился он, думая о том, как все-таки юная наивность украшает мир.

— Но ведь она...

— Катю это давно не волнует.

— Ее! — Вета обиженно выпрямилась.

— Ладно: ее это давно уже не волнует, — согласился Башмаков.

— Наверное, лет через двадцать меня это тоже волновать не будет. А ты станешь стареньким, седеньким, с палочкой... Я тебе буду давать разные лекарства.

— Знаешь, какие старички бывают? О-го-го!

— Тогда и меня это тоже будет волновать. Я тебя замучу, и ты умрешь в постели!

— Люди обычно и умирают в постели.

— Нет, люди умирают в кровати, а ты умрешь в постели.

Со мной!

— Возможно, — кивнул Башмаков и заложил руки за голову.

— Тебе со мной хорошо? — Она снова склонилась над ним, касаясь сосками его волосатого тела.

Грудь у нее была большая, еще не утомленная жизнью, и напоминала половинки лимона. А это, если верить одной затейливой методе определения женского характера, означало «романтическую сексуальность, доверчивость, преданность и безоглядную веру в будущее».

— Мне очень хорошо.

— Очень или очень-очень?

Башмаков подумал о том, что достаточно увидеть мужчину и женщину наедине, чтобы понять: кто из двоих любит сильнее или кто из двоих вообще любит. Тот, кто любит, всегда участливо склоняется над тем, кто лежит, заложив руки за голову.

— Очень или очень-очень? — повторила Вета свой вопрос.

— Очень-очень.

— Между прочим, ты понравился папе!

— В каком смысле?

— Во всех. Он хочет, чтобы мы с тобой обязательно обвенчались!

— Если папа хочет, значит, обвенчаемся...

— Ты будешь ей что-нибудь объяснять? — спросила Вета, высвобождая Башмакова и ложась рядом.

— Наверное, нет. Просто соберусь и уйду...

— А если она спросит?

— Отвечу, что просто люблю другую...

— А если она спросит: «Кого?»

— Не спросит.

— Я бы тоже не спросила. Из гордости.

— Она не спросит из усталости.

— Боже! Как можно устать... От тебя! От этого...

Вета нежно провела пальцами по этому, подперла ладонью щеку и уставилась на Башмакова с таким обожанием, что он даже застеснялся вскочившего на щеке прыщика.

— Олешек, знаешь, мне кажется, лучше все-таки ей сказать, а то как-то нечестно получается. Если ты все объяснишь, она тебя отпустит. Ведь ты сам говоришь — между вами уже ничего нет.

— А если не отпустит?

— Тогда мы убежим. А потом ты ей с Кипра напишешь письмо.

— Как будет «побег» по-английски?

— А вы разве еще не проходили? «Escape». «Побег» будет «escape»...

— Значит, «беглец» будет «искейпер»? Нет, лучше — «эскейпер». Это как «эсквайр»...

— «Эскейпер»? Такого слова, кажется, нет... — Она нахмурилась, припоминая. — Точно нет. «Беглец» будет «runaway».

— Жалко.

— Чего жалко?

— Что нет такого слова — «эскейпер». Тебя спрашивают: «Вы беглец?» А ты отвечаешь: «Нет, я — эскейпер!»

— Не забудь, «эскейпер», — она чмокнула его в щеку, — мы улетаем в понедельник вечером!

— To fly away. Это мы уже проходили...

— Ты нарочно дурачишься?

— Я не дурачусь. В понедельник я буду готов.

— Не слышу радости в голосе!

— Буду готов! — пионеристо повторил Башмаков.

— Слушай, Олешек, — засмеялась Вета, — а я тебе прямо сейчас еще одно прозвище придумала!

— Да-а?

— Да! «Эс-кей-пер-чик»!

— Какой еще такой «перчик»?

— Даже и не знаю какой...

— Сейчас узнаешь!

— Ах, пощадите мою невинность!

— Не пощажу!

— Что вы делаете, гражданин?!

— Сейчас узнаете, гражданка!

— погоди! Не так. Поцелуй меня... всю!

— Всю или всю-всю? — спросил он, стараясь принять более типичную для сфинксов позу.

— Всю-всю-всю...

2

Сотрудник валютно-кассового департамента банка «Лосино-островский» Олег Трудович Башмаков замыслил уйти от жены. Это была уже третья попытка за двадцать лет их брачного сосуществования. Первая состоялась шестнадцать лет назад, когда их дочери Даше было всего четыре года, а сам Олег Трудович (в ту пору просто Олег) работал в Краснопролетарском райкоме комсомола. На эту перспективную службу после окончания МВТУ его определил покойный тесть — начальник Ремжилстройконторы, где разживалась югославскими обоями, чешскими унитазами, немецкой керамической плиткой и финским паркетным лаком вся руководящая районная мелочовка.

Вторая попытка к бегству, тоже неудавшаяся, началась четырнадцать лет назад и длилась, тянулась, невидимая миру, почти все те годы, пока, изгнанный из райкома по икорному недоразумению, Башмаков трудился в «Альдебаране». У него был долгий производственный роман с Ниной Андреевной Чернецкой, и Олег Трудович в своем затянувшемся беглом порыве сам себе порой напоминал спринтера, сфотографированного с недостаточной выдержкой и потому размазанного по всему снимку...

Обдумывая третий, окончательный и бесповоротный уход из семьи, Олег Трудович постоянно мысленно возвращался к тем двум unsuccessful побегам, анализировал их, разбирая на части и вновь собирая, точно детскую головоломку. Он даже старался вообразить, как сложилась бы его жизнь, удайся любая из этих попыток, но неизменно запутывался в причинно-следственном хитромудрии, иногда высокопарно именуемом судьбой.

К побегу Олег Трудович готовился тщательно и старался предусмотреть любую случайность. Он даже с женой был добросердечен и нежен, но ровно настолько, чтобы не вызвать подозрений. Причем Башмаков не делал над собой никаких особенных усилий: нежность, совершенно искренняя, затепливалась в его сердце всякий раз, когда он, взглядывая на пребывавшую в полном неведении Катю, думал о том, что скоро они расстанутся навсегда. Именно это безмятежное неведение жены

и вызывало в нем особенную жалость, незаметно переходящую в нежность, которую — для безопасности — приходилось даже немножко скрывать.

В день побега — а это был, как и условились, понедельник — Башмаков взял на работе отгул, или, как выражались банковчане, «дэй офф». Заявление об уходе он решил пока не писать, чтобы не вызывать лишних разговоров и догадок. Вообще удивительно, как это до сих пор никто не позвонил Кате и не сообщил о том, чем еще, кроме банкоматов, занимается в служебное время ее супруг. Впрочем, теперь все настолько заняты собственными проблемами, что даже на полноценную зависть и активную подлость сил не остается. «Окапитализдел народ!» — говаривал в таких случаях незабвенный Рыцарь Джедай.

Олег Трудович с удовольствием представил себе, как заскребет свою глянцевою лысину Корсаков, как сморщится фон Герке, как помчится по банку Гена Игнашечкин, размахивая факсовым обрывком с двумя строчками. Но с какими строчками:

«Прошу уволить меня к чертовой матери по горячему собственному желанию! Башмаков».

Утром эскейпер (так он теперь мысленно именовал себя) спокойно завтракал с женой Екатериной Петровной, обсуждая досадную неугомонность их дочери Дашки. Она накануне позвонила из своей бухты Абрек и радостно сообщила, что очень дешево, по случаю, у одной офицерской жены прикупила замечательную японскую коляску — розовую, всю в оборочках и со специальным электромоторчиком, поэтому коляска может совершенно самостоятельно кататься туда-сюда, укачивая младенца.

— А если будет мальчик? — спросил, доливая себе кофе, Башмаков. — Я где-то читал, что розовый цвет сбивает мальчикам сексуальную ориентацию...

— Помешались все на этой сексуальной ориентации. Как с ума сошли! — рассердилась Катя. — Нет, будет девочка: Дашка на ультразвуке проверялась. Но все равно это очень нехорошая примета! Заранее нельзя ничего покупать. Тем более за два месяца...

— Да, я помню, как ты с пузом все по магазинам бегала и распашонок накупала!

— Тогда об этом не думали. Не до примет было. Достоялся, схватил — и счастлив...

— А может, это и есть счастье?

— Возможно. Ты сегодня поздно? — спросила жена, вставая из-за стола: она выходила из дому на полчаса раньше Башмакова. — Английского у тебя, надеюсь, сегодня нет?

— Нет. Часов в семь буду. Если, конечно, что-нибудь с банкоматами не случится. А ты?

— У меня сегодня шесть уроков. Потом педсовет. Потом дополнительные. Потом зачет у заочников. Слушай, Тапочкин, будь другом, купи хлеба, молока и чего-нибудь вкусенького! Хорошо?

— Хорошо.

Катя еще постояла в прихожей перед зеркалом, внося последние поправки в свой незатейливый учительский макияж, затем вернулась на кухню, поцеловала Башмакова в макушку и ласково провела рукой по спине, напоминая об их вчерашней супружеской взаимности, такой вдруг успешной и такой нечастой, особенно в последнее время.

— Теперь, Тапочкин, я знаю, на что ты еще способен, — и пощады не жди! — крикнула она уже из прихожей и захлопнула дверь.

Олег Трудович дозавтракал, снял халат и начал одеваться. Повязывая перед зеркалом галстук, он вдруг опасливо предположил, будто отражение жены, несколько минут назад подкрашивавшей здесь губы, теперь затаилось в глубинах стекла и внимательно наблюдает за ним. Понимая всю несуразность этого ощущения, Башмаков тем не менее постарался, чтобы его действия ничем не отличались от обычных сборов на службу. Он даже перекрыл газ и взял с собой зонтик, хотя выходил из дому всего на полчаса — чтобы, согласно намеченному плану, возле мебельного магазина договориться о машине для перевозки вещей.

В лифте валялись пустые пивные банки и яркие пакеты из-под чипсов. Пластмассовые кнопки панели были в который раз сожжены, а на полированной стене появилась новая надпись на английском, ставшем в последнее время разновидностью настенной матерщины. Башмаков только начал заниматься на курсах,

организованных специально для «пожилых» сотрудников банка, и перевести надпись не сумел, отчего разозлился еще сильнее. Почтовый ящик снова был взломан, газеты изъяты, а взамен вовнутрь брошены презервативные обертки.

«Опять замок надо менять!» — с ненавистью подумал Олег Трудович.

Он представил себе, как однажды застанет малолетнего мерзавца, ломающего почтовый ящик, на месте преступления и, схватив, изобьет страшно, до крови — и лицом, обязательно лицом, провезет его по острым развороченным крышкам почтовых ячеек. Он представил себе это так ясно, что даже сжал кулаки и ощутил тяжесть в затылке. Конечно, за изуродованного сопляка придется отвечать, но они с Ветой к тому времени будут уже на Кипре. А раз так, вдруг сообразил Башмаков, можно не злиться и новый замок не вставлять. Надо же, он почти забыл о своем побеге!

«Хорош эскейпер!»

День был ветреный — и оттого ослепительно солнечный. Ревматическая, давно уже бесплодная яблоня, единственная уцелевшая во дворе от прежних деревенских садов, раскачивала ветвями и шелестела свежей листвой. Новая трава на газоне закрыла белесый прошлогодний сушняк, а обнесенное бетоном сельское кладбище, где давно уже никого не хоронили, напоминало зеленый остров посреди некогда белоснежных, а теперь закопченных и облупившихся многоэтажек «спального» района.

Во дворе над мотором старинного желтого «Форда», оперев руки в неряшливо отрихтованное крыло, задумчиво склонился Анатолич, бывший настоящий полковник, с которым Башмаков почти три года сторожил автостоянку, а заодно по мелочам обслуживал автомобили. Анатолич и по сей день работал все там же и на тех же условиях: сутки сторожишь, двое дома. По выходным машины для мелкого ремонта ему пригоняли домой, прямо к подъезду.

— Не хочет ехать? — поздоровавшись, полюбопытствовал Башмаков.

— Куда он денется — поедет! — не очень уверенно ответил Анатолич. — На службу?

— Нет, гуляю.

— Неужели деньги в банке кончились?

— Станок сломался.

— Наконец-то! — засмеялся Анатолич. — Дашка-то родила?

— Нет еще — через два месяца, — ответил Башмаков и добавил: — Но коляску уже купила.

— Молодец!

— Вообще-то примета не очень хорошая...

— Все равно молодец! Надо обмыть.

— Завтра. Сегодня хочу на дачу кое-что перевезти.

— Помочь?

— Спасибо. Мелочь — сам дотащу.

Направляясь к мебельному, Башмаков казнил, зачем на ровном месте наврал, ведь завтра он будет на Кипре и уж никак не сможет обмыть с Анатоличем коляску. Когда же побег — очень скоро — станет достоянием подъездной общестственности и вранье выплывет наружу, Анатолич, конечно, обидится: все-таки они дружили, да и к Дашкиному замужеству он имел чуть ли не родственное отношение.

Магазин располагался на соседней улице и был там всегда. Точнее сказать, двадцать лет назад, когда они получили эту квартиру, уже был. Именно в нем Башмаков купил тот диван из гарнитура «Изабель», благодаря которому сорвался его самый первый побег от жены. Только теперь около магазина нет очередей и вертлявых общественников с длинными списками тех, кто жаждет обзавестись сервантом или полутораспальной кроватью и для этого два раза в неделю прибегает на переключку. Теперь магазин называется не «Мебель», но «Ампир-Дизайн», и набит он дорогими итальянскими гарнитурами, и пусто в нем, как в краеведческом музее.

Мысль договориться о машине прямо возле магазина пришла эскейперу, как только он стал обдумывать детали побега. Конечно, в наши времена проще заказать фургончик по телефону, но Олег Трудович сознательно решил прибегнуть к устаревшей, советской форме организации грузовых перевозок. Ведь диспетчер фирмы мог предупредительно позвонить с вечера для подтверждения заказа и нарваться на Катю, а уходить из дому с арьергардными

боями, выслушивая проклятия и насмешки жены, он не желал. Поначалу эскейпер предполагал спокойно и по-товарищески с ней объясниться. Но не решился. И теперь ему хотелось уйти в другую жизнь тихо и благородно — как умереть.

Башмаков огляделся: возле магазина стояли несколько обычных мебельных фургонов и два длинномера, предназначенных, вероятно, для перевозки больших гарнитуров в гигантские элитные квартиры и загородные дома. За фурами он обнаружил то, что искал, — аккуратную «Газель». В кабине никого не было. Водилы, как принято, курили кружком и с осуждением смотрели на крутого нового русского, который, рискуя испачкать свой переливчатый костюм, впихивал в «Опель-Универсал» дорогое инкрустированное трюмо.

— Чья «Газель»? — подойдя к ним, спросил Башмаков.

— Ну моя, — ответил пузатый мужик в майке с надписью «Монтана».

— Вы свободны?

— А куда надо?

— На Плющиху.

— Мебеля повезем?

— Нет. Книги. Еще кое-какую ерунду.

— Поехали!

— Нет, не сейчас. В три часа. Мне нужно еще собраться.

— Пятнадцать ноль-ноль. Заказ принял. Куда подать?

— Дом семь. Возле кладбища. Знаешь?

— Это где фотостудия на первом этаже?

— Фотоателье. Третий подъезд. Одиннадцатый этаж. Квартира номер 174... Все понял?

— Кроме одного. Почему чем человек богаче, тем жаднее? — Водитель кивнул на обладателя трюмо — тот теперь никак не мог закрыть заднюю дверцу «Опеля». — Сам-то сколько дашь?

— Сколько стоит — столько дам.

— Тогда договоримся.

Направляясь домой, Башмаков вспомнил о Катинем поручении и свернул к гастроному. За последние годы здесь тоже многое переменялось: вместо «Отдела заказов» возник пивной

бар, появились стеклянная будочка с надписью «Кодак» и пункт проката видеокассет. Переоборудованные на западный манер витрины ломались от выпивки и жратвы — импортной по преимуществу. За прилавками теперь стояли в основном молодые предупредительные мужики, а сохранившаяся с прежних времен грудастая продавщица уже не швыряла на весы обрубок колбасы и не орала привычное «не хочешь — не бери», но писклявым от тайной ненависти голоском разъясняла дотошным нищим пенсионерам, чем бельгийский маргарин отличается от французского.

Выполняя волю жены, Башмаков купил хлеба и молока, а потом, опираясь на многолетний семейный опыт, добавил упаковку черкизовских сосисок и маленький торт «Триумф». На выходе он задержался у бара и выпил кружку светлого немецкого пива, отметив про себя, что отечественная традиция недолива благополучно пережила смену общественно-экономической формации и даже усугубилась по причине особой ценности импортного напитка.

«На Кипр, на Кипр! — подумал Башмаков, туманно повеселев от выпитого. — Туда, где не нужно после отстоя пены требовать долива пива!»

«Форд» с поднятым капотом бесхозно стоял на прежнем месте, а на застланном тряпочкой крыле были разложены отвертки и гаечные ключи. Должно быть, Анатолич поднялся домой за недостающим инструментом. Кражи он не боялся, так как на лавочке по соседству собрались на утреннюю планерку дворовые пенсионерки.

В подъезде пахло хлоркой и прокисшей тряпкой, а это значило — пришла уборщица, достаточно еще молодая женщина с обиженным лицом. Лет десять назад Башмаков встречал ее в районной детской библиотеке, куда иногда — после разоблачительных монологов Кати о безотцовщине в семье — водил Дашку за книжками. Женщина работала в абонементе и говорила с детьми ласковым, даже вкрадчивым голосом:

— Как, неужели ты не читала Киплинга? Ай-ай-ай! Ну нет — никакой мультфильм про Маугли не заменит книгу!

Появившись в подъезде в качестве уборщицы год назад, она, кажется, сразу узнала Башмакова, смутилась и с тех пор почему-

то разговаривала с ним отрывисто, выказывая намеренную простоватость, явно стоившую ей страданий:

— Паразиты, каждый день гадят — до дома не донесут! Хоть бы вы домофон установили!

— Установим! — обнадежил Башмаков и пожаловался: — А у меня сегодня опять ящик разворотили...

— И будут... воротить, пока домофон не поставите!

— Поставим! — наобещал Башмаков и вызвал лифт.

История с установкой домофона тянулась уже несколько месяцев: половина жильцов подъезда, включая Башмаковых, давным-давно сдала деньги, а вторая половина отказывалась, мотивируя тем, что агрегат изуродуют на следующий же день, поэтому нет никакого смысла тратиться, а лучше дожждаться, пока врежут домофон в каком-нибудь соседнем подъезде, и понаблюдать, что из этого выйдет. Но во всех соседних подъездах, очевидно, рассуждали точно так же. Уже провели три собрания жильцов, но в результате только озлились друг на друга, поделились на две враждебные партии — «домофоновцы» и «антидомофоновцы», переругались и даже перестали здороваться.

Пока Башмаков ждал лифт, по лестнице вприпрыжку спустился мальчик в хорошеньком джинсовом костюмчике и белоснежных кроссовках. В руках у него была бутылка из-под вина.

— Мам, а если внутри пробка, все равно брать? — уточнил он.

— Выбрось! — буркнула уборщица и с вызовом глянула на Башмакова.

В прихожей Олег Трудович снова посмотрел в зеркало, но уже без всякой мистики по поводу Катиного отражения, а просто так — глянулся и потрогал выдавленный вечер и подсохший прыщик. Озирая себя, эскейпер отметил, что в его узком, чуть болезненном от оздоровительных голодовок лице и особенно в грустных карих глазах есть какая-то мужественная усталость многолетнего путешественника, которая так нравится молоденьким девушкам. Впрочем, с Ветой, кажется, по-другому. Она из тех, кто не знает, куда пристроить и кому подарить свою кажущуюся нескончаемой молодость. В студенческие годы Башмаков